

В.Б. УСТЬЯНЦЕВ

ДИНАМИКА ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта
№ 15-33-12009 по теме «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски
и цивилизационный коллапс»*

Статья посвящена исследованию жизненного пространства личности, особое внимание уделяется дихотомии «человеческая жизнь как ценность» и «ценности человеческой жизни», обсуждается влияние ценностей на строение поведенческого пространства в постиндустриальном обществе, анализируются пути и последствия информатизации жизненного пространства, методологическим конструктом исследовательской программы выступает концепт «общество риска», анализируются особенности отчуждения личности в рискогенной реальности.

Ключевые слова: *ценность, общество риска, рискогенная среда, жизненный мир, жизненное пространство, поведенческие установки, информационное поле*

Устьянцев Владимир Борисович - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии, Саратовский государственный национальный исследовательский университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: ystvb@list.ru

V.B. USTYANTSEV

PERSONAL LIVING SPACE DYNAMICS IN THE RISK SOCIETY

The article investigates the life space of the individual, emphasizes the dichotomy of «human life as a value» and «value of human life», discusses the influence of values on the structure of the behavioral space in the post-industrial society, analyzes the ways and results of living space informatization. The concept of “risk society” acts as a methodological construct of the research program, and the characteristics of the individual alienation in riskogenic reality are analyzed.

Keywords: *value, risk society, riskogenic environment, living space, behavioral attitudes, information field*

Vladimir B. Ustyantsev - Doctor of Philosophy, Professor, head of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State National Research University n.a. N.G. Chernyshevsky. E-mail: ystvb@list.ru

Новые измерения человеческого мира, вызванные глобальными сдвигами в экономике, политике, культуре, нуждаются в обстоятельной социальной-гуманитарной экспертизе, в осмыслении ценностного бытия индивидов. Философская рефлексия жизненного пространства личности предполагает определённые аксиологические и категориальные основания. Такие основания неотделимы от базовой ценности личностного пространства - человеческой жизни.

В контексте философской аксиологии можно говорить о *человеческой жизни* как ценности и о ценностях *человеческой жизни*. В первом, предельно общем значении речь идёт о смысле проживаемой человеком жизни. Напряжённость человеческого бытия, мужество и достоинство, с которыми человек принимает тяготы жизни, являются, по мнению В. Франкла, «мерой того, насколько человек состоял-

ся как «человек» [7, с. 174]. Это ценностное отношение к человеку, как родовому существу. Постклассическое понимание ценности жизни как долга перед самим собой, понимание, идущее от кантовского императива, раскрывает жизнь в нравственных категориях. Философские идеи спасти, защитить человеческое в человеке, представленные как в рационалистической, так и в иррационалистической трактовке, взаимодополняются в условиях общества риска. Жизнь как ценность в рискогенной реальности приобретает новое социальное звучание в контексте глобальной, национальной и личностной безопасности. На фоне перманентных угроз, вызванных глобализацией техники, нарастанием экологического кризиса, ростом международного терроризма в глобальном обществе риска, опасность человеческой жизни становится базовым критерием благополучия об-

щества и важнейшей ценностью индивидуального бытия.

Иной дискурс, а, значит, и иная исследовательская программа содержится в обосновании ценностей *человеческой жизни*. Это обоснование порождено как бы обратным движением философской мысли: от осознания самоценности жизни для человека к осознанию ценности человеческой жизни для общества. Ценность жизни обретает социальные характеристики и смыслы. Жизнь человека открыта обществу и общество достигает такой стадии цивилизационного развития, когда начинает ценить индивидуальную человеческую жизнь. Философская рефлексия важнейших ценностей человеческой жизни в общественной среде образует аксиологическую матрицу жизненного пространства личности.

Естественно, что между смысловыми значениями жизни как ценности и ценности человеческой жизни нет резких различий. Только осознав ценность собственной жизни, выразив её в нравственных, правовых, религиозных горизонтах, человек может перенести это осознание на других индивидов. Как утверждает Ю. Хабермас: «Отдельный индивид обретает необходимую для рефлексии дистанцию по отношению к собственной жизненной истории только в горизонте жизненных форм, в которых он участвует вместе с другими» [9, с. 21]. Альтруизм, взаимопомощь, готовность пожертвовать собственной жизнью для спасения другого - это явления одного ряда, где ценности человеческой жизни обретают разные смысловые значения и исторические формы проявления.

Аксиологические горизонты человеческой жизни открывают возможность выяснить внутреннюю и внешнюю структуру **жизненного пространства личности**. Образ жизненного пространства выстраивается через рефлексию жизни как ценности. Для личности основополагающее значение в конструировании жизненного пространства обретают ценности самоидентификации, раскрывающиеся в отношении «Я» - «Другой». Молодой Фейербах пытается постичь сущность человеческого бытия и его пространственных форм через отношение «Я» и «Ты». Сущность человека только в общности, в единстве, которое опирается только на реальность различия между «Я» и «Ты». Философ стремится понять пространство человеческого «Я» как разумную форму жизни, как закон бытия и мышления [6, с. 192]. И всё же феербаховское жизненное пространство лише-

но внутренней напряжённости. Видя границы этого пространства в разумности человеческого «Я», философ ассоциирует пространственные структуры с упорядочиванием чувственных образов. Жизненное пространство у Фейербаха - это пространство морального диалога «Я» и «Ты». Переводя сущность человека в плоскость отдельных этических категорий, он выстраивает образ интеллектуального пространства, которое становится тождественным всему жизненному пространству человека. Разумная форма жизни оказывается одномерной, наполненной определённым нравственным смыслом, что не могло удовлетворить его последователей и современных представителей философской антропологии и философии культуры.

В понимающей антропологии М. Бубера жизненное пространство мыслится как многомерный мир человека. «Мир приводится к единому, упорядочивается, становится выразимым в слове между людьми и лишь тогда - миром между людьми. И снова дух оказывается чистой способностью: с помощью жеста и речи человек преодолевает сопротивление друзей хаоса и создаёт сообщество» » [2, с. 132]. У философа жизненное пространство сотворено духом, который не сведён к одинокому человеческому существу, а раскрывается в отношении к Другому. Жизненный мир упорядочен человеком и обжит духовно, только тогда это человеческий мир.

Ценностный мир личности, очерчивая пространственные границы личностного бытия, образует пространство, которое наполняется конкретным содержанием в мире культуры. Жизненное пространство личности непрерывно взаимодействует с полями культуры. «Культурное поле личности интегрирует противоположные тенденции - давление долженствования культурных норм и стихию индивидуалистических устремлений личности, образуя симбиоз ценностей, где выстраиваются центры, сохраняющие право личности оставаться собой, сохраняя своё «Я»» [5, с. 176]. В этой связи личностное пространство как разновидность пространства человеческой жизни проявляется в спонтанном движении различных ценностных установок от внутреннего (духовного) пространства к внешним социокультурным пространственным формам. Это движение усиливается, становится стихийным в критические периоды жизни личности и её ближайшего окружения или обретает более динамичную форму, наполняется чувствами уверенности и целеустремленности в пери-

оды социальной и духовной стабильности жизненного пути личности. Жизненное пространство имеет временную протяжённость, обеспечивающую личности рефлекссию своей индивидуальной судьбы и неповторимость проживаемой жизни. Чувство собственной уникальности по-разному проявляется во внешних формах поведения, в деятельном или пассивном отношении к миру.

Концентрируя внимание на сложном строении духовных структур жизненного пространства личности, следует отметить, что культурные поля этого пространства, ценностные установки личности изменяются, конкретизируются под влиянием внешних горизонтов жизненного пространства. В этой связи можно выделить особое влияние *поведенческих* пространственных структур, образующих исходные уровни жизненного пространства личности. Структурной единицей поведенческого пространства выступает социальная роль в малой группе, которая, по мнению Ч. Кули, является фундаментом для формирования социальной природы и идеалов личности [3, с. 330]. Отношения между различными ролями, выполняемыми личностью в первичных и вторичных группах, образуют ролевое пространство в структуре жизненного пространства личности. В ролевом пространстве освоение социальных обязанностей и норм поведения сочетается с осознанием собственной неповторимости, происходит преодоление конформизма и утверждение собственной самоценности.

Модификация пространства происходит на рубеже техногенной и постиндустриальной культур. Социальное отчуждение человека, переходя в психическое отчуждение, во внутренний план его жизни, в пространство одиночества, гасится в виртуальной реальности информационного человека. Виртуальное пространство открывает возможность приобретения нового жизненного опыта в информационной среде. По мнению представителей бурно развивающихся на Западе течений киборгмодернизма и «киберпространства» как феноменов виртуальной реальности будут иметь революционные социальные последствия, поскольку они позволяют реализовать новые формы человеческого самовыражения.

Информатизация повседневной жизни и появление нового информационного поля человеческого бытия не происходят бесследно для жизненного мира человека. В электронном пространстве изменяются поведенческие стандарты и ценностные ориентации личности. Возника-

ют ранее не осознаваемые этические, социопсихологические проблемы обживания межличностных информационных полей. Исследователи информационной культуры обращают внимание на необходимость учитывать новый тип сложности, связанный с человеческой позицией и человеческими эмоциями. «Старые идеалы рациональности, абстрагированные от этих существенных составляющих человеческой жизни, полностью игнорируют мир человека» [4, с. 36]. Иными словами, динамика информационных полей, вытекающих из основных видов человеческого общения, открывает новые возможности развития духовного мира индивидов.

Общие очертания жизненного пространства личности обретают исторический контекст в социальной среде, формирующейся в обществе риска. Среди различных подходов к обществу риска важно найти определение, позволяющее ответить на вопрос: что объединяет конкретные общества риска в разных регионах мира, вступивших на путь перехода от промышленных к компьютерным технологиям, от книжной к посткнижной культуре, от вещной реальности к виртуальной? Думается, что ответ на этот вопрос убедительно даёт У. Бек. По его мнению, «во взаимном наложении и конкуренции проблемных ситуаций классового, индустриального и рыночного общества, с одной стороны, и ситуаций общества риска, с другой, в сложившихся условиях и масштабах релевантности побеждает логика производства богатства - и именно поэтому, в конце концов, побеждает общество риска» [1, с. 54]. Стремление к обретению и умножению богатства сопровождает генезис и развитие любой цивилизации. Вместе с тем ещё ни одна цивилизация не имела таких мощных технологических и интеллектуальных средств его получения. Производство и потребление информации в планетарном масштабе, глобализация инфострад, рост компьютерных «империй» в сфере услуг и досуга оказываются феноменами нового богатства и феноменами небывалых ситуаций риска. На фоне глобальных сдвигов в пространстве мировой экономики, политики, культуры жизненное пространство личности кажется малозначительным. В глобальных пространственных структурах информационного общества неуютность и зажатость жизненного пространства индивида таят угрозу для его нового тотального отчуждения, угрозу утраты имманентных смыслов человеческого бытия.

Уже на начальных этапах формирования постиндустриального мира возникает опасная тенденция глобализации жизненного пространства личности, появления новых ментальных структур, наполненных личностными ощущениями одиночества, страха перед «информационным» будущим, это остро почувствовали представители постструктурализма в западной философии. Для Мишеля Фуко проблема сохранения индивидуальности и самобытности жизненного пространства личности в надвигающемся обществе риска связано с изучением структур власти. В работе «Надзирать и наказывать» философ рассматривает институциональные механизмы действия властей на индивида с целью захвата и перераспределения его жизненной энергии в полезном для власти и общества направлении. Чтобы предотвратить гражданское неповиновение, власть, по мнению Фуко, стремится использовать различные средства воздействия на частную жизнь личности и её духовное пространство. Философ предвидел опасные последствия такого вмешательства в обществе риска. «Вероятно, в этом видится дурное предзнаменование больших опасностей, с которыми сопряжено санкционированное законом вмешательство в жизнь человека только на основании того, что он из себя представляет; из такой предпосылки может исходить лишь напуганное общество» [8, с. 111]. Вывод звучит как предупреждение для общества XXI века.

В заключение следует отметить, что жизненное пространство личности остаётся объектом социального риска по ряду причин. Во-первых, личность в российских просторах так и не обрела своего автономного пространства, обстоятельно защищённого правами и демократическими институтами. Жизнь как ценность образует интеллектуальное ядро про-

странства, но это основание так и остаётся нравственной, а не правовой субстанцией. Во-вторых, жизненное пространство личности в транзитивном обществе перестаёт быть инобытием этатизма, кажется, что контроль государственных институтов над частной жизнью личности в целом преодолён. Однако ослабление контроля государства сделало личностное пространство беззащитным перед «атаками» квази-групп, что неизбежно порождает для личности новые зоны риска в бизнесе, в частной жизни. В-третьих, в российском обществе личность стремится преодолевать ситуации риска в ролевом пространстве малых групп. В зависимости от влияния различных социально-экономических и социокультурных факторов в транзитивном обществе системные риски по-разному раскрываются в жизненном пространстве личности.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. - М., 2000. - 383 с.
2. Бубер М. Проблема человека. - М., 1992. - 146 с.
3. Кули Ч. Первичные группы / Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В.И. Добренёва. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - С. 330-335.
4. Майнцер К. Сложность и самоорганизация // Вопросы философии. - 1997. - № 3. - С. 51-62.
5. Рыбалка Е.А. Пространственное бытие личности: концептуальные, институциональные и топологические аспекты. - Ростов-на Дону, 2009. - 291 с.
6. Фейербах Л. Избр. философ. произведения, Т. 1. - М., 1955. - 634 с.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М., 1990. - 368 с.
8. Фуко М. О концепции «социально-опасного субъекта» в судебной психиатрии XIX столетия // Философская и психологическая мысль. - 1991. - № 7. - С. 84-110.
9. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. - М., 1995. - 252 с.